

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я написал это, не для того, чтобы стать поэтом, книгу издать, выступать, иметь успех и признание (и так и остаться неслышанным и непрочтенным).

Я написал это, чтобы поговорить с одним человеком - по-настоящему, начистоту, без прикрас, сказать только от себя, обращаясь только к адресату.

Представьте, это гораздо труднее, чем стать поэтом, книгу издать, выступать, иметь успех и признание (и поэтому я буду прочтен и услышан).

ВЫЗОВ

Не дам тебе порезвиться, и в рай тебя не пущу
побуду немного бесом, хоть роль эта не по мне.
Измены не позабуду, предательства не прощу,
и всё своё поражение в твоей утоплю вине.

Придется, как ни противно, встать на тропу войны,
и горем своим безмерным тыкать тебе в глаза,
хвататься за твою юбку, себя держа за штаны,
чтобы чужую сперму разъела моя слеза.

Один я теперь в болоте, где прежде топли вдвоем,
и мне выбираться отсюда вдвое теперь трудней,
и мне разумеется проще, чем кинуть сей водоем,
тебя затащить в трясину и вместе утопнуть в ней.

А ты это твердо знаешь и держишься хоть куда
за свеженького мужчину, который нынче кумир,
за сказку о том, что можно, не чиня никому вреда,
вот так! - и сходу запрыгнуть в спасительный новый мир.

Ах! Вам в этом новом мире так сладко теперь вдвоем!
И ты распевашь гимны новому королю,
и вы наживаетесь оба на позоре моем,
я каждое ваше объятие болью своей кормлю.

Ведь стоит освободиться, стоит исчезнуть мне,
стоит уйти мне с поля, знаю наверняка,
и вы утопнете оба в том же самом говне,
которое благополучно я глотаю пока.

Всё жалобней мои вопли, упитанней ваш союз,
и каждое мое "нет" падает камнем на ваше "да",
и я настолько слабее, насколько себя боюсь,
и мне-то уж не деться от этого никуда.

А ты - ты так умна, знаешь столько красивых слов,
умеешь себя себе же позолотить везде,
ведь ты же с моей подачи на первый лишь вышла лов
и тут же жирную рыбку поймала в мутной воде.

БЕДА

Беда убивает мгновенно,
без промаха, прямо в грудь;
нет зрителей, есть арена,
с которой не ускользнуть.

Беда убивает мгновенно,
но прежде долго растёт
Втихую зреет измена
в глуши потайных пустот.

Вот вышла она на охоту
и бдительно стережет
слабость твою, дремоту,
дури разинутый рот.

Она стоит начеку, ты
валяешь меж тем дурака,
и, высчитав до секунды,
шарахает наверняка.

Когда ты слабей котенка,
когда уж совсем не ждешь,
то место, где самое тонко,
рвет ее нож.

И тут же надвое делит
кость времени перелом:
вот то, что осталось перед,
а вот, что станет потом.

Вся жизнь, что осталась перед -
внутри, за окном стекла,
и разум почти не верит,
что она вообще была.

Но, озаренная светом
памяти - так хороша!
В окно, как бабочка летом,
бьется и бьется душа.

И, изувечив крылья,
падает на лету
в черную ночь бессилья,
бессмыслия тошноту.

Ты опять на арене.
Боли новый прилив -

густого вранья варенье -
попался, увяз, прилип.

Пролезть из минуты в минуту -
дохлый номер сейчас.
Ни карты нет, ни маршрута,
последний фонарь погас.

Ты же дошел до края,
до точки, до гневных гор,
где ливень ликует, стирая
всё, чем жил до сих пор.

Ветер, воинственно воя,
сейчас мелодичней ручья.
Нас в камере только двое -
я и совесть моя.

НЕ ХВАТАЕТ

Милая, мне все-таки тебя не хватает.
Тут, знаешь, сильный ливень был, впервые за месяц.
Вот подвезло, притащил на хвосте непогоду.
Прояснилось, солнце, а мне все равно тебя не хватает.

Ты, конечно, скажешь сочувственно "Я понимаю"
и, разумеется, умную прокатишь телегу.
Телеги развесистые, слов умных знаешь много;
ну ты говори, говори, а мне все-равно тебя не хватает.

Мне, понимаешь, на самом деле тебя не хватает -
без дураков, без бля, зуб даю, честное слово
не хватает чего-то, знаешь, очень простого,
без чего винт не подходит к гайке, а суп протухает.

Слушай, я тут ей-богу все осознал, клянусь Юнгом!
Разложил, эта, все по полочкам, акценты расставил
осознал, значит, принял, простил, отпустил, проработал.
Оглянулся вокруг: батюшки, все равно не хватает.

Представь, сколько я телег напридумывал, ты ж меня знаешь -
и так его и эдак и сбоку и в зад и сверху,
тут тебе и сценарии и системный подход и Кастанеда -
в общем всего до черта; а тебя-то как раз и не хватает.

Ладно, бог с ним, говорят, это просто излишняя важность.
Говорят: да ладно тебе, слишком носишься с собою,
да и что такое твой писк в сравнении со Вселенной.
Эх, что мне ваша Вселенная, если мне ЕЕ не хватает.

Ну действительно, да, поют вокруг какие-то птицы,
корабли какие-то, самолеты, тампаксы, памперсы, чипсы,
люди как всегда едят, тусуются. трахаются, убивают...
Мне-то что до всего этого: мне тебя не хватает.

Ну не кивай головой, не вздыхай, не делай добренькие глазки -
не понять тебе этого, не старайся, все равно не въедешь.
Утрат пять тебе еще понадобится, чтобы до тебя доперло;
но я-то не могу ждать, понимаешь: мне сейчас тебя не хватает!

Не тела твоего - да сколько там у тебя тела,
не дыханья по ночам - что, другие плохо дышат?
и уж не голоса - говоришь ты всегда не то и плохо.
Не в этом дело - тебя не хватает.

Нехватка тебя - это, знаешь, не хухры-мухры, это не шутки!
Это, видишь ли, внутренности наизнанку,

это в костях такой вакуум, что нет-нет да и взлетишь на воздух
(кстати был бы не худший вариант - что без тебя тут делать).

Что делать мне, если и себя-то нигде не видно!
Ну болтается некто здесь, пишет стихи, бормочет, вздыхает.
Это кто-то не тот - по крайней мере не тот, что был с тобою.
Мне не он нужен; мне тебя не хватает.

Милая, вижу, пора кончать - ты зеваешь, устала;
да и вообще там скорее всего уже заждался новый любовник.
Уж он-то знает, что делать с той, что считаешь собою.
Ради бога - мне-то ведь не ее а тебя не хватает.

Что сказать на прощанье: пока, созвонимся, до встречи?
Да ну, какая там встреча - и не было ее и вряд ли будет.
Впрочем, тем лучше - значит можно и не прощаться.
А все-таки несмотря ни на что тебя по-прежнему не хватает.

Только я вот что думаю: раз оно так есть на самом деле,
значит дело это хреновое и жизни человеческой не стоит
А что делать, мне вполне понятно, когда я с тобою,
но тебя-то как раз - хоть ты тресни! и не хватает.

СОПЕРНИКУ

Пришла пора поговорить с тобой, соперник мой.

Увел ты женщину мою уверенной рукой.

Увел расчетливо, легко,

увез красиво, далеко,

и я теперь один.

Ты был решителен и быстр и вовремя успел -

я месяц дома не был, и уже я не у дел.

Очаг потух, постель пуста,

разруха, горе, нищета,

лишь я стою один.

Я поражение признаю. Ты выиграл. Пока.

Я лоханулся, прозевал, свалял я дурака.

Ты захотел и получил,

пришел - увидел - победил,

и я опять один.

Во-первых, я хочу сказать, что восхищен тобой.

Ты знал, что делал, потому и выиграл ты бой.

Себя ты в деле не жалел,

пока я жадностью болел,

и вот теперь один.

А во-вторых, спасибо я хочу тебе сказать:

ты взял у меня то, что следовало взять,

Жить с женщиной - изрядный труд.

Устал я - ты тут как тут,

а я отдохну один.

Но в-третьих, говорю в ответ, что вызов принял я.

Вторая партия за мной, раз первая твоя.

Уже сейчас, имей в виду,

войну я начал и веду

с тобой один на один.

И время на меня теперь работает, да-да!

Невиданные силы открывает в нас беда.

Ты опьянен и усыплен,

я отрезвлен и пробужден,

ведь я теперь один.

Привет тебе, соперник мой, учитель мой и враг!

Стою я сам перед собой, изранен, зол и наг.

Не повернуть, не убежать,

не скрыть, не смазать, не солгать,

ведь я с собой один.

Твоя атака привела нас на тропу войны.
Мы будем драться до конца, ведь мы с тобой равны.
Но для чего мне победить?
Чтоб эту дуру возвратить?
Нет! Чтобы быть один.

Эх ты, наивный, думаешь, что ты здесь победил?
Я сам, в своей постели же, лишил себя же сил.
Я одиночество свое
сменял на нижнее белье,
боясь побыть один.

Кайфуя с ней теперь вдвоем, не знаешь ты, мой враг,
что одиночество - одно из самых главных благ.
Свободен тот, кто одинок,
кто страх себя же превозмог,
кто сам с собой един.

Достоин силы только тот, кому неведом страх,
кто одиночество свое отвоевал в боях.
иметь, бояться, потерять,
отвоевать, но вновь отдать -
только тогда ты один.

Довольно с трупом на могиле ляссы мне точить
и на вчерашнюю постель, давясь слезой, драть.
За дело, с богом, на коня,
вперед, победа ждет меня,
ведь я наконец один.

Прощай, соперник мой и друг, до встречи, в добрый час.
На то, чтоб ты пришел ко мне, был тайный мой заказ.
Себе тебя я создал сам, чтоб положить конец мечтам
с жизнью один на один.

СТРАННОЕ ПКОЛЕНИЕ

Мне кажется, все мы принадлежим
к какому-то странному поколению -
выглядим, будто мы впереди,
на самом деле между, и это хуже.

Люди жадны, злы тупы, пошлы,
и выглядят так, и поэтому правы.
Они живут себе просто так,
на грязь свою не кладя косметик.

Мы же такие же как они,
также жадны, мелки и тщеславны,
но мы искусный кладем макияж,
и грязь нашу красим под нимб святого.

Теми же средствами, что должны
по замыслу, сделать нас лучше,
мы делаем свое лицо,
чтобы себе самим выглядеть лучше

Кто бы послушал нас - боже мой!
Как мы умны, как мы совершенны,
шпарим вовсю наизусть куски
из Юнга, Ауробиндо и Кастанеды.

Как мы чисты, когда предаём!
Как мы невинны, когда кидаем,
как мы умеем любую блажь
приправить ароматом из благовоний.

Как содержателен весь наш треп,
как прекрасодушны наши тусовки!
Просто бери нас и в авангард,
каждому в руку трубу и знамя.

О ком это я бишь? Да о себе,
и о тебе, милая, нас здесь двое.
Другие неважны мне, их здесь нет,
да и какое до них мне дело?

БАЛ МЕРТВЫХ (DANCE MACABRE)

Спектакль окончен, зрители уходят, гаснет свет.
Сменив лицо, расходятся актеры по домам.
И бутафор, гремя ключами,
в чулан костюмы запирает.
Зал пуст. Тишь, тьма.
Театр закрыт до завтра. Входит ночь.

Встает луна, и призраки ползут из-за кулис.
Герои пьесы драму запускают вновь и вновь,
и кадры пьесы вперемешку
без остановки крутят, крутят.
Смысл снят. Ход сдох.
Но яркость миражей - острее, чем свет.

Мелькают маски, снова призывая их надеть,
танцуют роли, снова соблазняя их сыграть:
хотят, имеют и теряют,
страдают, мучат, убивают.
Кровь, любовь. Вновь и вновь.
Зритель и персонажи - одно лицо.

Открылись раны, содраны бинты, и пластырь снят,
и наслажденье снова расчесать их - выше сил.
Наважденье лиц и звуков,
карнавал картин и кукол,
гул вод, рёв струй -
память вышла из берегов.

И в маске совести - на главном троне - смерть.
Она судья, и главный соблазнитель, и палач.
она творит сей маскарад,
она на сцене в этот час,
Час бурь. Бал ведьм,
где духи кажутся живой людей.

Спектакль окончен, новый только завтра - жди, терпи.
Ну где же завтра? Хоть бы поскорей оно пришло!
Ведь ослепляют, оглушают,
выдворяют вон живое.
Чур-чур! Свят-свят!
Что делать, если тот, кто делал, мёртв.

Спектакль окончен, но зато в разгаре карнавал,
где больше нет ни смыслов, ни концов и ни начал,
а только призраки, фантомы,
пленом прошлого влекомы.
Ночь, сон. Дух вон.

Тляска мертвых в петле времен.

ОТЧАЯНЬЕ

Все бы ничего, но почему так болит
сердце?

Сколько уже здесь я, а пока на одном
месте.

Что мне делать дальше, я никак не могу
выбрать;

Чувствую, что скоро потеряю совсем
веру.

Гений мой творящий, может, хоть на часок
заглянешь?

Что тебе там стоит человеку подать
руку?

Сядем, посидим. и ты мне в общих чертах
скажешь,

Где сломалось, что, и как его починить
быстро.

Да, как бы не так! Не отзывается мой
гений.

Видно, не застать мне на рабочем его
месте.

Может, в туалет пошел, а то захотел
выпить;

только, вишь, и дела ему - всяких сосунков
нянчить.

Солнце только встало, и лежит на боку
утро;

ёрзает, зевает, видно сон ему плохой
снился.

Ветер спит пока, торчит в груди тишина
колом,

только деловые насекомые жизнь
жарят.

Жирная тревога выползла из кишков
ночи.

Шарит где попало, в бедном теле моем
роясь;

рыскает всюду, хватается за кости, живот,
сердце;

ищет где поглубже - сцапать норовит
душу.

Лошадь мне, коня, полцарства за коня
с ходу!

родственную тварь, хотя бы на худой
кошку!
Гнома, тролля, карлика, тайною помочь
силой!
Это ж невозможно - одному в таких делах
смыслить.

Бестолку. Молчат. К чему напрасно глагол
мыть.
Надо выползать и продолжать одному
драться,
зная, что придется все равно проиграть
схватку.
Все бы ничего, но почему так болит
сердце?

ПЛАЧ

Ах мама,
матушка ты моя родненькая
на кого,
на кого ты меня бедного оставила
и что же,
и что же мне без тебя теперь делать-то
и как же,
и как же я без тебя теперь буду жить

Ведь такие сильные были руки твои
и такое уютное было тепло твое
и такая нежная была грудь твоя
и такое сладкое было молоко твое

Пришел грозный чужой
увел тебя с собой
ты с ним а не со мной

и что-то у вас там тайное
и что-то у вас там страшное
и мне нельзя узнать что это

Один я один боже мой
Один я один горе мне
Один я один

Ах Даша
Даша милая моя любимая
на кого,
на кого ты меня бедного покинула
и что же,
и что же мне без тебя теперь делать-то
и как же,
и как же я без тебя теперь буду жить

Ведь такие надежные были объятия твои
и такие волшебные были руки твои
и такая сладкая была грудь твоя
и такая вкусная была вагина твоя

Пришел грозный чужой
увел тебя с собой
ты с ним а не со мной

и что-то у вас там тайное
и что-то у вас там страшное
и мне нельзя узнать что это

Один я один боже мой
Один я один горе мне
Один я один

Эх время
Эх время мое доброе старое
на кого,
на кого ты меня бедного покинуло
и что же,
и что же мне без тебя теперь делать-то
и как же,
и как же я без тебя теперь буду-то

Ведь таким круглым было кольцо твое
и таким вечным - постоянство твое
и такими однообразными - дни твои
и такими предсказуемыми - события твои

Прервался на месте ход
и время вперед идет
измену и риск несет

Что впереди - неведомо
Что впереди - невиданно
нельзя угадать что это

Один я один боже мой
Один я один горе мне
Один я один

Эх жизнь
жизнь моя привычная знакомая
на кого,
на кого ты меня бедного покинула
и что же,
и что же мне без тебя теперь делать-то
и как же,
и как же я без тебя теперь буду-то

Ведь такими удобными были сны твои
и такой уютной - колыбель твоя
и такими мелкими - неприятности твои
и такими вкусными - радости твои

Ушла теперь ты без следа
пришла вместо тебя беда
что было не вернешь никогда

А что впереди - неведомо
что впереди - невиданно
нельзя угадать что это

Один я один боже мой
Один я один горе мне
Один я один

Эх я мое,
я мое, оболочка прежняя, привычная
как долго
как долго я всё жил да жил в тебе
как прочно
как прочно я сросся, склеился с тобой
как ломает
да как ломает мне из тебя вылезать наружу

Ведь такими милыми были привычки твои
и такими удобными - болячки твои
и такими бесполезными - все таланты твои
и такими недостижимыми - все цели твои

А ночь велика да чудна
луна высока да холодна
вокруг пустота да тишина

И кто я сейчас - неведомо
кто буду потом - невидано
и мне про это знать не велено

Нет меня, нет боже мой
нет меня, нет горе мне
нет меня, нет

Эй дух
дух ты мой безжалостный
куда же
куда же ты меня дальше выталкиваешь
зачем
зачем боль невыносимую посылаешь мне
и задачи
задачи неразрешимые ставишь передо мной

Ведь сердце мое - оно такое слабенькое
и тело мое - оно такое неможное
и голова моя - она такая глупенькая
и вообще психика моя - на самом деле такая инфантильная

Неистовый покой

бьет огненной рукой
ох и тяжек молот твой

Где я был, там уже нет меня
где я буду, там еще нет меня
ночь, тишина, таинство

Нет ничего, только время льет
нет никого, только сила бьет
нет рождает да

БЕЗДОННОЕ ЛЕТО

Какое бездонное, какое злое лето!
Событья, как сеть звериных западней в ущелье,
поездки в места, откуда нет назад билета,
где блекнет в тумане боли очертанье цели.

Жара и дожди, и ветра беспредел, и слякоть,
разгул самолетов, бредни поездов, разлуки.
А норку, где можно было посидеть, поплакать,
уже переделали в дворец чужие руки.

Угарный чад разборок, тухлый вкус разрыва,
сожительства перебродившее терпенье
маячат в глазах вроде бутылки из-под пива,
которая вертится в морской роскошной пене.

Она не к месту здесь, она мешает глазу,
свободу видимости у него ворюя;
пока ж досадует он, кто-то снизу сразу
смекает: а не пойти ль нам да купить вторую?

Бултых, бултых, вокруг тебя валы сигают -
стихии, вишь не считаются никак с тобою.
Стремленье твоё чего-то вроде достигает,
кувырк - раздолбан ты пятой прибою.

Нет, всё же чудовищное было это лето!
Загадок, причуд вещей, было в нем до черта,
до ада, до путешествия в страну мертвых,
до выхода там, у моря, на тропу ответа.

Дары земли сразу отдают теплом и благом.
Дары небес первым делом возвещают гибель;
и там, по ту сторону, пылает вещей выбор.
Избравший, избранный, придет обратно магом.